

СТОРІНКИ ЩОДЕННИКА

1920 год

1 марта. Воскресенье. Панчов.

Родина М.Ігнат'єва (зліва направо): Катерина, Магдалина (стоїть), Микола, дружина – Магдалина Василівна, Ольга. 1914 або 1915 р.

Сегодня холодно, но пока хоть ничто с неба не падает. Семенова что-то нет. А он мне нужен, чтоб решить вопрос, двигаться на Болгарию или ждать.

К 12 ч[асам] дня погода прояснилась, даже появилось солнышко. Сразу всё стало сохнуть и немного стало теплее. Сегодня есть в газетах телеграмма, что Кубань вся присоединилась к большевикам. Это всё, конец добровольческому движению, т.е. движению во имя Учредительного Собрания – надо искать новых формул и, кажется, Махно их нашел.

Грустно читать о надеждах союзников на сношения с советской (демократической, как они теперь говорят) Россией. Золото и будущий его звон (надеюсь, что ошибутся) заставил их позабыть пролитую кровь.

2 марта. Понедельник. Панчов.

Всю ночь и утро дует северо-восточный ветер. Хотя ясно и временами из-за облака выглядывает солнце, но всё же очень холодно. Ночью вода замерзла в открытых бочках. Новости всё хуже. Не знаю, из каких источников сербы сообщают, что большевики угрожают Севастополю и Новороссийску. Рядом с этим сообщают слух, что наши части, отошедшие к Румынии, увидав, что отходить дальше нельзя, под начальством Бредова, взяли Одессу и через Николаев пошли на Крым. Но всё это смутно и неясно. Одно верно, что советское правительство победило на всех фронтах и на пороге своего признания.

Получил письмо от брата Леонида – пишет о Павле, об Алексее*. Значит, все теперь живы – лишь бы мои были целы в Круподерницах. Но когда-то удастся собраться? Вернулся Семенов, нашел комнату, завтра постараемся переехать в Печкерск.

3 марта. Вторник. Панчов.

На дворе ясно, но дует сильный северо-восточный ветер и холодно. Казалось, вот-вот весна, а теперь какая-то поздняя осень. Хорошо еще что сухо. Решили ехать сегодня. Вчера прошла сенсационная новость (все газеты в Берлине): кучка генералов объявила монархический переворот. Социалисты удрали и объявили общую экономическую забастовку. Теперь, значит, начнется гражданская война. По-видимому, главное участие в этом принимали части, вернувшиеся с Балтийского побережья. Пожалуй, наши русские в этом деле будут замешаны и потеряют свой последний приют. Во всяком случае, союзники станут коситься на них.

Великий Печкерск.

Вот я и на новом месте. Надо сказать, что тут действовал больше всего мой компаньон. Говорит, что тут жить будет дешевле. Я этому не особенно верю, но пусть так. Очень мило простился с нашей панчовской хозяйкой – кажется, сунул ей квартиранта Жевахова (Николая Давидовича) и отправился на станцию. Поезд с небольшими опозданиями тронулся в путь. Ехали почти 4,5 часа. Всё время совершенно ровная местность, изрезанная реками в очень неглубоких долинах (почти в уровень с полями). Лишь изредка видны деревья или отдельный хуторок, „кусты”, как тут говорят. Съел немного, но очень большие, с каменными домами, на вид, как наш другой уездный город. Наконец подошли к Вел[икому] Печкерску в сумерки. Домой добрались в темноте. Переезжали через какой-то мост. Средняя улица имеет довольно нарядный вид, с электрическим (довольно тусклым) освещением. Общее впечатление: на одно очко выше Панчова в смысле города. Ну, поживем-увидим. По дороге сюда меня поразила масса переломанных и испорченных вагонов. Это результат революции. Оказывается, не одни большевики умеют уничтожать имущество.

4 марта. Среда. Вел[икий] Печкерск

Обходили город. Сегодня немного теплее, а к вечеру даже совершенно тепло. Был в центре города. Там одна улица, не особенно длинная Alexandro –

* Йдеться про братів Миколи Ігнат'єва – Леоніда (1865–1943) – командувача козацьким полком, учасника російсько-японської і Першої світової воєн. У 1918 р. емігрував до Швейцарії; Павла (1870–1945) – шталмейстера імператорського двору. У 1904 – 1907 рр. був головою Київської губернської управи, у 1907–1908 рр. – київським губернатором, у 1915–1916 рр. – міністром народної освіти. У 1920 р. перебував з родиною в Англії, де мав маєток; Олексія (1874–1948) – дійсного таємного радника. У 1915–1917 рр. був київським губернатором. Під час громадянської війни емігрував, жив з родиною в Парижі. – *Прим. О.С.*

на совершенно европейский тип. Широкие тротуары, большие дома и отличные магазины. Обсажена улица эта, как и многие другие, деревьями. Что меня поразило, это вдруг свисток и по улице, имея для тяги два локомотива, пошел поезд. В миниатюре настоящий поезд, очень длинный – вагонов 15 с багажным. Локомотивы самой обыкновенной формы. В одном месте поезд остановился среди улицы и потом пошел дальше. Он, оказывается, соединяет город Печкерск с соседним в 60 км. Никакого ограждения нет. Кажется, даже и лошади привыкли к этому движению. Происходит это два раза в день в обе стороны, не считая товарного движения.

Публика гуляет массаами и не обращает особого внимания на это обычное ей явление. Был я в управлении губернатора – чудный дворец, у нас таких губернских управлений нет. Вообще новые правительственные здания тут великолепны. Но теперь это всё очень запущено. Провизировали свой паспорт в полиции и пошли познакомиться с бургомистром. Все они говорят на немецком языке. По-видимому, общеславянским языком суждено быть немецкому – кажется, это пока отрицать нельзя. Были у некоего Наумова, живущего тут. Пока тут три семейства русских, но, пожалуй, приедут еще. Твердит, что надо ехать в Болгарию, о чем и я думаю. Ходил потом немного по городу. Тип Панчова. Серия небольших домов, иногда очень приличных, но почти все одноэтажные. Дворики, в которых иногда видна зелень. Вообще похоже на наш уездный городок из житейских – лишь деревянных зданий не видно. Но, что типично, почти повсюду тротуар из кирпичей и мощенная мостовая, что эти городки выгодно отличает от наших. А центр крохотный, но имеет вид столичной улицы.

5 марта. Четверг. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня тепло, думаю, в тени около 15° (раз вчера было 12°). Надеюсь, что это окончательная весна.

Наша комната очень милая, но жаль, повернута назад – поэтому немного сыро. Кормят нас ничего по качеству, но мизерно по количеству. Совершенно не по-русским широким аппетитам. Лишь тут видишь, какую массу дряни мы поглощаем и почему постоянные жалобы наших пленных на кормление. Плохо то, что мы довольно далеко от центра. Там хоть газету достать можно.

В нашем доме нашлась ванная. Купили угля, наносили воды и отлично вымылись. Теперь можно опять долго терпеть. Поработал у моей клумбы в саду, но в общем просидел дома.

6 марта. Пятница. Вел[икий] Печкерск.

Погода сегодня немного испортилась. Очень облачно, собирается на дождь, температура понижается, уже лишь +11°, а утром было +15°, дует восточный ветер. Сегодня был в здешней церкви. Еще более сокращенная служба, чем в Панчове. Даже „Верую” до конца не дочитали на часах. На один псалом лишь первые строчки, а заключение – смесь слов, выдернутых из русских мест. Таким образом, все часы литургии с причастием

10 – 15 богомолок заняло меньше часу времени. Как тут далеко от благолепия нашего русского. Не раз вспомнешь матушку Русь. Недаром она была „святая”.

В газетах есть вести о неудаче монархических движений в Берлине. Провинция не примыкала. Теперь Гинденбург собирается стать посредником. Как-то это отзовется у нас. Наши молодцы тоже не зевают, хоть и большевики. Чичерин послал почту Японии по поводу занятия ею Северного Сахалина. Надо сказать, что государственность у них есть. Одно не могу им простить это, что они развели ненависть простых людей против культурных, желая направить классы пролетариата на буржуазию. Забыли они, что без культуры немислим, да и не может появиться сам социализм.

7 марта. Суббота. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня опять довольно свежо, хотя и ясно. Дует юго-восточный ветер. Вынужден проститься со своим полушубком, чтобы достать себе пальто. Обидно, но что же делать. Теперь летом, да еще на юге в полушубке не побегаешь, а шинель достать по своему объему не мог. Новостей из России нет. Союзники посылают какую-то дипломатическую миссию для ее изучения – не знаю, к чему это приведет.

8 марта. Воскресенье. Вел[икий] Печкерск.

Сыро, холодно, погода осенняя. Как это тут легко меняется. Сегодня едет отсюда местный житель из беженцев – Наумов – для меня денег. Дня через четыре привезет новости. Ужасно, как всё это долго. Идет мелкий дождь, сыро. Серо, скучно. Тут ходят всевозможные слухи о том, что делается в Германии. Надо сказать, что в общем это тоже сплетни, что и у нас бывали. Говорят, что кронпринца провозгласили императором и что русская армия с Брусиловым идет ему на помощь. С другой стороны, говорят, что есть перемена в советском правительстве и Троцкий ушел.

Только что читал газеты – дело стоит иначе, чем слухи. В Берлине объявилось правительство коммунистов, монархисты уехали. Эберт собирает войска против Берлина, но не разберешь: против монархического или советского. Силезия объявила себя отдельной советской республикой с главным городом Бреславлем. Во многих местах были попытки создать советские республики.

9 марта. Понедельник. Вел[икий] Печкерск.

Холодно, порывистый восточный ветер (кажется, по-сербски звучит „касаве”), и всё льет дождь из свинцового неба. В комнате утром пар идет изо рта. Вот вам и юг. Вчера я тут видел человека, который мне представился как большевик, говорит, что большевизм тут может быть не раньше, как лет через десять. Вот фрукт! Я думаю, что он хотел мне, как русскому, сделать любезность. У них большевизм рисуется в других красках. Газеты принесли известие, что в Берлине всё кончилось. Прежнее правительство вернулось, забастовка кончилась. Интересно, что руководящие круги рабочих заявили, что не

желают правительство советов. Но в некоторых местах коммунисты взяли власть. Особенно теперь идут бои в Лейпциге. Газеты думают, что в Берлине спартаковцы что-либо попробуют сделать. В общем этот новый режим, государственно-социалистический, выдержал экзамен. Это вроде того, что хотело наладить наше „государственное совещание”. По-моему, это должно иметь отклик и у нас и послужит покровению нашего советского режима. Работа во многих местах опять началась. Днем солнце, было, появилось, но потом всё же раза два прошел дождь. Температура стоит около 4–5°С.

10 марта. Вторник. Вел[икий] Печкерск.

Погода сегодня сухая, солнечная, но очень холодно – немного лишь выше нуля. В Германии по газетам начинается „большевистия”. Уже появились во многих местах (почти 1/3 Германии) советы и красная гвардия, насчитывающая уже 40 тыс. чел[овек]. Носке уходит из правительства. Войска лишь на 2/3 верны старому правительству. Даже Берлин частично занят рабочей красной гвардией. У нас почему-то предпринята перепись денег, находящихся на руках. Рядом с этим из Землина вышибают всех иностранцев, поселившихся там после 1 августа (значит, бьют по беженцам). Ох! Когда же это закончится.

11 марта. Среда. Вел[икий] Печкерск.

Погода солнечная, ясно. Солнце гораздо теплее, чем вчера, но ветер холодный. Сады зеленеют, абрикосы начинают цвести.

В Германии, кажется, понемногу правительство берет верх. Даже в Лейпциге уличные бои кончаются. Но зато в Рейнском районе объявляют одну советскую социалистическую республику за другой. В Киле достигнут компромисс назначением губернатором социалиста. Типично, что газеты называют это коммунистическое управление русским именем. Есть русские, которым это будет приятно. Ллойд Джордж встрепнулся и недавно взывал к либералам для борьбы с коммунизмом в виде большевизма, спартанизма и т.д.

Не надо так метаться в сторону. Была бы у них одна прямая линия действий, давно с этим покончили бы. Тут в Югославии идут выборы в общину. Повсюду пока побеждают социалисты и во многих местах коммунисты. О России и не пишут.

12 марта. Четверг. Вел[икий] Печкерск.

Сыро, облачно, накрапывает дождь. Холодно, но не так, как в последние дни. Сегодня сижу один. Семенов утром уехал в Панчов узнать, что сделалось с нашими, почему сюда не едут, и попробовать променять колокольчики (хотя, думаю, безнадежно). Вчера вечером сидел за самоваром в русской семье Наумовых и, разумеется, шли споры о политике, о том, о сем, как и полагается русской интеллигенции. Но было тепло и уютно на душе. Думалось лишь, как было бы хорошо, если бы вокруг самовара сидели свои родные головки. Как-то я их увижу опять? И что они теперь делают? Хоть бы весточка, хоть бы известие от них или о них.

13 марта. Пятница. Вел[икий] Печкерск.

Вчера приехали сюда оба Стороженки из Панчова и невеста одного. Всех их привез сюда Семенов, одновременно привезли мне денег. Молодцы. Сербы опять разменяли (собственно подарили). Теперь дали за колокольчик 600 динаров. Я решил, если возможно, ликвидировать все остальные колокольчики. Всё равно долго этот размен действовать не будет. Привезли известия, что правительство Деникина в Крыму. Значит, пока всё держится. Кубань, по-видимому, вся большевистская. Меня хотели устроить в имении одного здешнего магната, но что-то не совсем идет гладко, да и мне как-то неловко.

Сегодня погода чудная. Опять солнце и тепло. Теперь 6 ч[асов] вечера и температура на воздухе 15–16 тепла. В газетах новости о победе коммунистов в Загребе. Получили почти половину мест. В Германии идет борьба со спартаковцами. Бои идут в самом Берлине. В советском управлении почти все приморские города и местность в районе Рура. Из России есть лишь известие, что в Украине началось наступление петлюровцев под начальством Павленко и что советское управление переехало в Харьков из Киева. (Украинское советское правительство лукавит.) В общем по тону газеты пора признать Россию как сильное советское государство. Телеграмма из Варшавы сообщает, что раненые Бредов и Стессель находятся в Москве. Не понимаю, как они туда попали? В общем, по-видимому, не скоро мы вернемся в Россию и не скоро увижу я своих.

14 марта. Суббота. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня чудный теплый день. В тени можно было сидеть без верхнего платья. Сегодня я расстался со своим полушубком. Вместо него мне сделали пальто-реглан, веером подбитое из отвратительной материи. Но что же делать, в полушубке нельзя было двигаться. Он свою службу сослужил. Без него я бы пропал на киевском и одесском морозе. Но я решил, что, вернувшись в Россию, могу всегда достать себе полушубок, а оставлять тут он мне не нужен. Новостей в газетах много. Положение в Германии не ясно. В Берлине еще идут бои.

Появились сообщения о грабежах банд и разбитых регулярных войсках – всё по-„нашему”. В Турции по всему фронту идут восстания и бои с союзниками. Одни французы потеряли в Сирии около 20 тыс. Египет и Судан тоже в восстании. Египет объявил свою независимость и выгоняет англичан. Так что идет полная перестройка картины Востока, как она рисовалась Антанте. Газеты уверяют, что повсюду находятся немецкие офицеры. В Венгрии правительство объявило себя „королевским”, оставило в гербе корону Св.Стефана и ждет кандидата на престол.

15 марта. Воскресенье. Вел[икий] Печкерск.

Погода серая, облачно и опять свежо. Кругом всё зелено, даже огороды начинают зеленеть. Вот видишь разницу широты с Киевом. Вчера было известие в газетах, что большевики, будто, закрыли чрезвычайки (это перепечатка из „Известий”). Что за время террора они сделали 158 тыс. арестов, число 2, 2006

а расстреляли, будто, лишь 9800 чел[овек]. Хорошо, если это правда, но я думаю – это сильно преувеличено в желании доказать безобидность картины и посему цифры сильно приуменьшены. Хотя кто его знает – много людей, что считались расстрелянными, живут до сих пор спокойно.

Сегодня временами шел дождь, но в общем хорошо. В церкви сегодня пел хор и пел недурно. Но странно, что многие молитвы службы пропускают или же не поют, а скороговоркой читают. Сегодня получил письмо от брата Павла, зовет меня к себе в Англию. С удовольствием бы поехал, но важен вопрос денежный. Туда их надо много. Получил также письмо из Женева от Саши Оболенского. Он участвовал в наступлении на Петроград. Был в Гатчине и Царском, но теперь, кажется, потерял веру во всё это. В Белграде есть слухи, что атаман Павленко занял Киев (это петлюровцы). Но с другой стороны, Дон и Кубань большевистские, а Крым на последнем издыхании – „недели на две”. Командует Врангель. Деникин сидит без дела, никакого правительства нет. В Одессе работает всюю чрезвычайка.

16 марта. Понедельник. Вел[икий] Печкерск.

Погода серая, облачно и холодно. Лишь несколько дней погода подарила нам тепло. Сегодня поразился приходом сюда, в дом, сербских солдат. Русским духом запахло! Пришли делать обыск – ищут оружие. Одновременно запрещено двигаться по улицам после 11 вечера. Это всё боязнь не то большевистского, не то мадьярского движения. В газетах сегодня сенсация. Большевики ответили на мирное предложение поляков, т.е. границу 1772 г., начали наступление на фронте 600 верст к северу от Припяти, я линию фронта не знаю, по югу идет через Олевск на Новгород-Волынский – Деражня. По словам большевиков – удачно, по словам поляков – всюду отбивают. Но, судя по сведению сербских газет, о занятии Петлюрой Киева еще рано говорить.

17 марта. Вторник. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня ясно и солнце есть, но немного свежо, т.к. сильный порывистый ветер. В газетах есть сведение, что Германия понемногу успокаивается, хотя правительство, по-видимому, будет пересоставляться.

В Лиссабоне началось большевистское движение. Толпы ходили с криками в честь России и большевистской республики. Но, кажется, пока что войска их побили. Понемногу добираются и до Антанты.

18 марта. Среда. Вел[икий] Печкерск.

Ветер вчера к вечеру перешел в юго-восточный и принес с собой мелкий дождь. Сегодня тот же ветер, холодный, сырой. Идет мелкий дождь, свежо, но не слишком. В общем осенняя погода. В газетах есть сведения, что Мильеран заявил в палате депутатов, что Антанта решила не входить в переговоры с советским правительством. В местной газете есть сведение, что Красная армия наступает на Румынию. Благодаря этому в Румынии общий кавардак и королевская фамилия уже уехала. Между прочим,

советские газеты считают, что большевистской партии в Петрограде по национальностям: 71 русских, 11 латышей, 6 поляков, 8 литовцев, 4 еврея на сто. Мне кажется, что евреев намного больше.

19 марта. Четверг. Вел[икий] Печкерск.

Весь день дует сильный, порывистый ветер. Сегодня в газетах есть сведения от 17 марта (это по-нашему значит 4) о делах Добр[овольческой] армии. Успех в Крыму – большевики отброшены к Перекопу, идут бои у Тимошевской, на Ростовском направлении бои в 40 верстах к северу от Екатеринодара, восточные бои у Пятигорска. Могилев-Подольский будто занят красными, но, с другой стороны, атаман Павленко будто занял Умань, Екатеринослав и Полтаву. Украинское правительство из Могилев-Подольского ушло или в Бессарабию, или на юг. Кто же на этом „юге” и где – неизвестно.

Также нельзя понять, где успех поляков против большевиков – по-видимому, это к северу от Припяти. Немецкое правительство заявило, что не потерпит диктатуры класса – это одинаково направо и налево. Значит, дело добровольцев еще живет.

22 марта. Воскресенье. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня чудный хороший день. Наслаждаюсь тем, что, наконец, одел рубашку (вместо вечной фланели англичан), сделанную из моей простыни. Просто удивительно, как ценишь каждую такую мелочь.

Вчера вечером видел крестный ход католиков, на площади в виде Воскресенья Христова. Масса торжества, почти всё начальство города, музыка, пожарная команда, всё их начальство в парадной форме с орденами – видно, что тут эта вера была господствующая.

Публика большая и много чистой – это окрестные помещики с семьями.

Вечером вчера случайно узнал, что приехал генерал Вильчковский, пошел с ним говорить. Много старого вспомнили. Он сегодня с семьей едет дальше в город, лежащий на узкоколейке. Его служба в Салониках, оказывается, кончилась. Рассказывает, что Новороссийск очищен. Англичане опять принялись помогать добровольцам. Крым еще держится. Махно сидит на Днепре и вопит с лозунгом: земля – народу, России – царя. Говорят, везет карету, в которой будто сидит наследник. Этот в самую точку попал. Он-то и действует у Екатеринослава.

23 марта. Понедельник. Вел[икий] Печкерск.

Чудная погода. Получил от брата Леонида письмо. Шло всего 5 дней, но мое почему-то шло 2 недели – но и то хорошо. Теперь знаю, что где-то есть родные души, что думают и заботятся о тебе. Газет по случаю праздников нет. К вечеру пошел сильный дождь, но тепло. Около 9 вечера на востоке видна была зарница весенней грозы.

24 марта. Вторник. Вел[икий] Печкерск.

Солнечно – земля сырая от вчерашнего дождя и в воздухе стоит духота. Получил газеты за 4 дня. Третьего дня разменял деньги у Евренкова

в Панчове, дал 45 динар за 1000 руб[лей] – это если считать на франки, то 15 франков (и это еще хорошо, было дешевле), т.е. в 150 раз рубль (добров[ольческий]) упал. Царский рубль в 15 раз. Да, много надо будет думать и работать, чтобы поправить нашу валюту.

25 марта. Среда. Вел[икий] Печкерск.

Погода сегодня чудесная. Солнце, нет ветра и не жарко. Сегодня в сербской газете странные известия. Пишут, что Брусилов, который будто командует русскими войсками против поляков, вызывает к себе всех офицеров эмигрантов. Что будто уже в ряды Красной армии вступило больше 1500 деникинских офицеров. Они (поляки. – *О.С.*), пользуясь нашим положением, требуют куски старорусской территории. Но неужто для этого надо идти укреплять правительство грабителей и убийц. Ведь они до ушей покрыты кровью наших братьев и лучших сынов Родины. Кроме того, нахальство поляков вызвано лишь разрухой, именно вызванной и поддерживаемой большевиками в России. Теперь они взялись за национальный вопрос – не они ли его топтали. Если всё, что они сделали во внутренней политике делалось под национальным русским знаменем, а не под интернациональным, то многое им простилось и среди интеллигенции они нашли бы массу сочувствующих. Теперь как-то не верится в их новую веру – опять каверза.

26 марта. Четверг. Вел[икий] Печкерск.

Чудная погода, даже жарко – печет на солнце.

В газетах новостей мало. Правительство Советов предлагает Китаю отдать железную дорогу и отказаться от всех прав и преимуществ русских подданных, ничего не требуя взамен.

Литвинов, один из комиссаров, назначен для внешней торговли и объявляет, что помимо него ни один кооператив не может совершить никакой сделки. Как же тогда принцип: не входить в сношения с советской властью, не торговать с Россией. Я думаю, теперь без признания власти дальше двигаться нельзя.

27 марта. Пятница. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня Великая пятница. Чистое, ясное небо. Жарко, но довольно сильный восточный ветер. Был вчера на 12 Евангелиях. Народу немного. Почти ни у кого свечей не видно. Поют почти все стихари соло. Евангелия читали вятно, но нараспев (по-католически). Напевы лишь другие, а так служба хорошая.

Из газет новости следующие: конфликт между немцами и французами по поводу ввода правительственных немецких войск в район Рура. Из Варшавы сведения об огромном количестве беженцев из района Киева. По их словам, Киев почти уничтожен из-за боев между большевиками и украинцами – осталась лишь треть жителей. Правительство России предлагает всеобщий мир, на условии признания советского правительства и режима, а также взаимного невмешательства во внутренние дела. Обещают распустить Красную армию немедленно по заключении мира.

28 марта. Суббота. Вел[икий] Печкерск.

Ночью начался сильный юго-восточный ветер, но сегодня к 2 ч[асам] дня почти прошел. Становится очень сухо и пыльно. Вчера около 4 часов дня был вынос плащаницы. Пел хор, очень трогательные напевы. Гроб, украшенный католический алтарь, перед ним масса мальчишек в белых „сутанах”, но с рипидиями и свечками – производит чуждое впечатление. Ночью была в три часа служба. С Великого четверга не звонят в колокола, а лишь „кленят” в доску. Народу почти не было – человек 25. Мало на 10 – 12 тыс. населения православного. Весь храм залит электричеством, даже перед иконами в лампадах красные лампочки, а перед иконой Божьей Матери групповая лампада. Нехорошо. Как-то не то, слишком театральное. Главная служба состоит в пении статей непорочных. Поют их особым гласом (сербским) три священника поочередно. При этом запекает один и поет два-три слова, а конец подпевают все хором. Удивительно трогательный и жалобный мотив. Дальше служба шла быстро. Вечерню и литургию служили сегодня в 1 ч[ас] дня. Еще было меньше народа. Вся служба с часами прошла в 1,5 часа. Не любят утруждать себя длиннотами.

Новости из Белграда, что там готовится выступление молодежи. Прошлое было разогнано пулеметами. В Дании готовится или идет революция. У немцев с французами трения из-за ввода немецких войск в район Рура. Теперь французы его оккупируют, а немцы выводятся. Пишут о торговых переговорах с Россией. Поляки еще не помирились с Советами. Пишут, занят большевиками Владикавказ и Петровск.

29 марта. Светлое Воскресенье. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня ветрено, но тепло и даже временами душно – ожидается гроза. Тяжело сегодня на душе: что-то делают мои родные и где они находятся. Хуже всего эта неопределенность. Уж в прошлом году Пасха была тяжелая под этим нравственным гнетом большевиков. Казалось, тяжелее нельзя. А в этом году еще хуже. Гнетет разлука и физически тяжело. Ночью в 2 часа пошел к заутрени. Посмотрел крестный ход. Крестный ход ходил на площадь и, вернувшись, сделал три круга кругом церкви, а дальше, как у нас.

После службы пошли к Наумовым разговляться. Была их семья, наши преображенцы (к нам еще присоединился приехавший нарочно Наумов) и еще некий подпор[учик] Чемердин. Спели „Христос Воскрес!” И разговелись за великолепно устроенным столом. Молодчина хозяйка! Хоть немного почувствовали себя в родной стране. Вернулись домой в 7½. В 9 утра я был у обедни (она тут отдельно служится). Опять служба без хора. Апостольские деяния читают три мальчика по статьям, также и Евангелие. При этом чтенцы стоят в разных местах храма. Очень торжественно, но не хватает хора. Хорошо, но было грустно, что не знаешь как теперь нашим – хотя бы сносно встретить праздник, как в прошлом году. А что если хуже? Вот эта мысль и угнетает.

30 марта. Понедельник. Вел[икий] Печкерск.

Сыро, но ветра нет. Весь день идет мелкий, „хозяйский” дождь. Сразу улицы становятся очень грязными от всей ранее навеванной пыли. Прошел слух, что к нам в Печкерск переселяют еще несколько русских семейств. Лишь бы не перевели господ офицеров из Панчова с их кутежами и игрой.

31 марта. Вторник. Вел[икий] Печкерск.

Вот и конец месяца. Завтра начнется пятый месяц, что я уехал из Круподерницы. Уже почти ½ года и никакого улучшения положения. Не видится даже возможности когда-нибудь вернуться. Удивительно, как мало тут интересуются событиями, у нас целыми днями и неделями живешь каким-нибудь слухом, который иногда появится в какой-нибудь газете. А ведь там, наверное, что-то делается, наверно, борются, дерутся, воюют.

1 апреля. Среда. Вел[икий] Печкерск.

Сыро с утра и холодный юго-восточный ветер. Днем немного прояснилось и появилось солнце. Есть газетные сведения, что советское правительство не желает вести мирные переговоры с поляками в Борисове, находя его слишком близким от фронта. Поэтому, можно думать, что Борисов в польских руках, значит, они восточнее Днепра, хотя бы в этом ясность. Больше никаких известий из России.

2 апреля. Четверг. Вел[икий] Печкерск.

Ясно, жаркое солнце. Сирень вся распустилась. При каждом домике, даже если нет садика, то есть два-три куста сирени. Это уже настоящая весна. Все луга зеленые. Что-то делается у нас. Вчера рассказывали, что Петлюра захватил Одессу и Киев и его республику признали французы и румыны. Странно это, т.к. в телеграмме о начале переговоров в Бобруйске пишут об уполномоченных Польши, России, Литвы, Латвии, а об украинцах ничего не пишут. Началось перемирие. Вчера было радио советской республики, требующей от Антанты признания своей власти и лишь при этом условии оно пойдет в торговые сношения. Это уже вроде шантажа, но этого и надо было ожидать. Сегодня был в полиции – почему-то сербы решили делать регистрацию всех русских, живущих у них.

3 апреля. Пятница. Вел[икий] Печкерск.

Погода сегодня солнечная. Душно и здорово жарит. В тени около 30°. Получил радостное известие. Наши офицеры гвардии, и в том числе Малевский-Малевич, спаслись и находятся в Польше. Они отходили от Раздельной к Бессарабии, но там вдруг румыны их не пустили. Тогда они двинулись на север и перешли линию постов поляков. Красные их не преследовали. Поляки сохранили офицерам оружие, за лошадей дали деньги, а всё остальное забрали под расписку. Всех перевезли в Стрый для карантина. Оттуда гвардию – ее осталось около 2000 человек – направили к Калишу, где будто они теперь и находятся, там же, говорят, находится

Бредов с остатками своих войск. В Крыму, говорят, дела еще хороши. Там около 6–8 т[ысяч] войск – командует ими Врангель. Получил сегодня письмо и деньги от Павла. Зовет к себе. Так мило с его стороны. Но, оказывается, очень трудно получить пропуск в Англию – боятся большевизма. Большевики ведут переговоры с поляками в Бобруйске и перемирие лишь на участке у Борисова (это сведения французских газет). Интересно мнение „Юманите“, что диктатура пролетариата еще не может быть введена в Германии (а в России – может!!!). В Сибири, оказывается, большевики лишь до Байкала дошли. Владивосток был занят своими большевиками. Теперь почему-то японцы открытой силой заняли после 8 часов боя Владивосток и имеют намерение его держать под протекторатом!

4 апреля. Суббота. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня душно и жарко. Небо покрыто мглой. Как бы хотелось поскорей убраться отсюда. Так, кажется, это будет еще не скоро. Сегодня прошел слух о железнодорожной забастовке, а говорят, и всеобщей. Пока что на экономической почве. С некоторым удовольствием читал похождения одного из немецких коммунистов в Плауски (Саксония). Тоже что и у нас: экспроприации, контрибуции на буржуев, аресты, уничтожение газет, хотя бы и социалистических, но другого толка (разбивали машины, жгли бумаги), полное бездействие власти. Они кулаком, а мы уговором. Милая, знакомая картина, можно сказать, родная, но я злорадствую, т.к. Запад говорил: это лишь у некультурных русских можно – вот тебе и великая немецкая культура. Там только я заметил маленький инцидент: красная гвардия арестовала человека, стараясь от него вытащить контрибуцию, – толпа его отбила, а у нас они бы или радовались, или в лучшем случае были пассивны.

Сегодня была торжественная панихида по убитым в течении войны воинам сербам, русским, союзникам. Было много народу, пел хор. Но меня поразило отсутствие официальности и не было наряда солдат, а кажется, подходящий случай.

6 апреля. Понедельник. Вел[икий] Печкерск.

Стоит большая жара. Сегодня, кроме того, дует душный и пыльный ветер. В сукне ходить жарко. Забастовка продолжается, поэтому газет нет. Вчера в местных прочел, что французские социалисты не желают идти с большевиками. Они также, как бельгийцы и англичане, считают, что еще не время для диктатуры пролетариата. По-моему, тоже они свои интересы лучше обслуживают, оставаясь сильной партией в буржуазной стране, чем беря всю ответственность на себя, критика всегда легче.

7 апреля. Вторник. Вел[икий] Печкерск.

Погода стоит жаркая, душная. Забастовка действует лишь на сербских (старых) ж[елезных] д[орогах], но, видимо, за границу теперь не попадешь. Приняли меры к сокращению помощи русским беженцам – напо-

ловину сокращается помощь (это ввиду материально плохого положения финансов). Положительно пора уезжать. Как хорошо было бы теперь быть с братом на ферме. Но что-то нет от него дальнейших известий, да и, кроме того, забастовка не выпустит.

8 апреля. Среда. Вел[икий] Печкерск.

Погода с утра жаркая, но довольно приятно, т.к. ночью была небольшая гроза, и небольшой дождь прибил пыль.

Забастовка ж[елезных] д[орог] в Сербии продолжается. Там бояться осложнений с радикальным правительством, предстоит или переворот, или скандал. В Загребе избран городским головой коммунист. Это уже дело новое. Оказывается, что почти все рабочие тут принадлежат к коммунистической партии. Есть газетный слух, что Троцкий в середине мая поедет в Лондон и Париж для восстановления отношений с Россией (это уже будет почти признанием).

9 апреля. Четверг. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня значительно прохладней после вчерашней грозы. Но всё же дождя было мало. Еще газет нет, кроме местных, есть слух, что забастовка прекратилась. В телеграммах есть известия, что Литва и Финляндия вступили в переговоры с советским правительством. Может быть, это кончит и внутреннюю войну. Во Франции экстремисты, т.е. большевики, во время железнодорожной забастовки настаивали, что надо разорить страну, чтобы двинуть революцию, то есть достижение власти пролетариата, иначе самих себя выдвинуть к власти – интересно знать, много ли рабочих с ними согласны? Пожалуй, Семенов прав, французам предстоят те же осложнения, что и нам. Temps сильно предостерегает от всего этого.

10 апреля. Пятница. Вел[икий] Печкерск.

Хотя забастовка объявлена „законченной“, но что-то газет нет, даже в местных ничего нет. Есть какая-то телеграмма из Парижа, что там арестовали Ознобишина за сношения с немцами и будто существует монархический договор при помощи немцев восстановить монархию в России и присоединить к ней всю Польшу. Это уже здоровая фантазия. Не сидится этим аграро-монархистам, хочется им до своих имений добраться и лишь пачкают идею монархизма как символа большевистского порядка, где всем хорошо, а не одному классу людей.

Погода сегодня свежая, облачно, хотя солнце слегка показывается. Только что вернулись из Белграда Стороженко и Семенов и привезли с собой Холодовского и Зубова, которые собираются поселиться тут. В Белграде забастовка продолжается. Сведения о русских печальные. Говорят, Врангель получил ультиматум от Англии, чтобы прекратил военные действия. Англичане займут своими войсками Крым. И что советская власть объявляет всем амнистию, кто вернется домой. Рядом с этим пошел слух, что Троцкий послал радио не слушать приказаний из Москвы, т.к. там контрреволюция и

Брусилов объявил себя диктатором. Не знаю, когда это будет, но, думаю, это то, чем неразрешимый узел будет распутан. Всё разные толки об обмене денег. В общем, кажется, надежды на это плохи. Насчет выпуска за границу тут, оказывается, довольно свободно, но англичане не пускают русских к себе.

11 апреля. Суббота. Вел[икий] Печкерск.

Сегодня сильно облачно и свежо, но всё же настоящего дождя пока не было, хотя вчера ночью где-то гремел гром и даже видна была молния. Сегодня увидел первые распутившиеся белые акации – как это напомнило стародавние времена, когда я наслаждался их запахом тоже в городе и тоже на юге. Но это было на родной стороне. Когда я попаду опять домой? Хотя бы верно было, что временно там переворот, чтобы хоть узнать, что они целы.

12 апреля. Воскресенье. Вел[икий] Печкерск.

Погода сегодня сырая. Вчера ночью опять шел сильный дождь, т. к. улицы еще очень грязные. Познакомился вчера с интересным сербом. Он никогда в России не жил, но говорит отлично по-русски, хотя, разумеется, с акцентом. Это некий Кротич, сын большого славянофила, бывшего на Московском съезде 1867 г., очень милая у него сестра, но русского не знает. Приходится изъясняться на междуславянском – немецком языке. Газет белградских нет, но есть известия в местных, что бои на большевистско-польской границе продолжаются. Из них видно, что бои идут в Польше и Подолии, между прочим, следовательно, ни о какой Украине пока еще говорить нельзя.

13 апреля. Понедельник. Вел[икий] Печкерск.

Чистое, ясное небо. Немного сыро, т.к. ночью опять был небольшой дождь. Акация в полном цвету. Забастовка не кончается, газет нет, по-видимому, забастовка приняла политический характер. Уже в части Кroatии (Хорватии) объявлено военное положение и призваны на военную службу служащие на жел[езной] дороге. Все призывают и переписывают население по категориям – видимо, все очень нервные. Что-то делается у нас?

Только что получил письма от Леонида. Пишет адрес брата Алексея в Гельсингфорсе. Таким образом, все братья живы. Дай Бог, чтобы и семья оказалась в порядке тоже, на своих местах. Из Белграда сообщают мне, что очень возможно устройство моей поездки в Англию. Если у Павла перемена плана, то устроимся иначе, главное выбраться отсюда.

14 апреля. Вторник. Вел[икий] Печкерск.

Сыро, свежо и холодный северо-восточный ветер. Акация, несмотря на это благоухает. Мало тени, но много запаха. Ходят слухи, что Япония объявила войну советской России.

15 апреля. Среда. Вел[икий] Печкерск.

Свежо, облачно, ночью был небольшой дождь. Вчера сюда приехал Комаров (будет жить на квартире, которую освобождает старший

Стороженко по случаю своей свадьбы). Кроме того, приехал сюда жить Менгдель с женой и два Литовченки. Таким образом, тут понемногу собирается Преображенская колония. Сегодня стало известно, что на совещании сельскохозяйственном в Москве Красин (народный комиссар) сказал, что жизнь оказалась сильнее теории коммунизма, что надо увеличить работу фабрик, упавшую на 80%. Ленин заявил, что надо, как и в армии, ввести диктатуру одного (зачем было тогда валить старый режим). Троцкий заявил, что надо ввести мобилизацию рабочих и временно ввести 10- и 12-часовой рабочий день и преследовать нежелающих работать как дезертиров. Если всё это правда, то это, говоря попросту, честное громогласное объявление краха всех их начинаний. И зачем было огород городить. Страшно подумать, сколько пролито крови даже просто людей, просто говоривших о несбыточности этой мечты – коммунизма в настоящей России, а теперь они оказались правы, а эти господа наркомы, не чувствуют угрызания совести, не захлебываются от всей невинной, пролитой ими крови. Верится, что где-то есть судья, который воздаст им по делам. Но какой это вместе с тем удар по социализму.

17 апреля. Пятница. Вел[икий] Печкерск.

Чудное ясное небо, небольшой восточный ветер. Вчера был большой день для нашей колонии Преображенской. Женили Стороженко. Об этом деле хлопотали и заботились все наличные однополчане (считая сюда и Семенова, прикомандированного, как мы говорим). Было много затруднений со стороны духовенства и местной полиции. Я был за посаженного отца („кумо”, как тут говорят). Не мог найти образа. Господа сербы такими вещами не пользуются. Но, к счастью, у баронес-

Полкове свято лейб-гвардії Преображенського полку. Виконувач обов'язків командира полку граф М.Ігнат'єв супроводить імператора Миколу II та військове керівництво держави. Красне Село, 1913 р.

сы Менгдель оказалась икона Спасителя чудной работы. Она, как посаженная мать, ею и пожертвовала для благословления. Сербы отлично справились с венчанием. Обручение было у самых царских врат. Вместо венцов на голову должны были надеть небольшие венцы из искусственных белых цветов – мирт, как они говорят. Всё же остальное идет по типу нашему. В конце священник предложил мне „полюбовать младе-нех” (поцеловать молодых). Это, оказывается, их обычай. После этого был у нас в доме торжественный обед. Наша хозяйка фрау Гот отлично соорудила, были великолепно расставленные цветы, вина и хорошие явства. Молодые уехали в Никипду на несколько дней, чтобы выполнить свадебное путешествие по традиции.

Нового в политике ничего. Тут по городам продолжается коммунистическое движение. Что-то даст их завтрашнее первое мая. Как-то ожидают беспорядков, но мне кажется – их не будет.

18 апреля (1 мая). Суббота. Вел[икий] Печкерск.

Погода чудная, чистое небо, жарко. Каштаны уже отцвели, сирени уже нет, начинает отцветать акация. На деревьях уже абрикосы величиною с грецкий орех. Удивительно тут скоро шагает весна, по нашим понятиям это уже лето. Но зелени пока мало: салат, немного моркови и, говорят, есть спаржа (но я ее не видел). Цены же огромные, если даже сравнить по курсу с русскими.

Сегодня в городе тишина. Изредка видны патрули, на мостах часовые, но в общем войск не видно. Запрещены манифестации и даже ношение каких бы то ни было знаков, к 9 [часам] вечера все должны быть дома (выход разрешен лишь врачам).

Читал сегодня, что Чешская республика признала советскую. Сибирский съезд социал-революционеров признал советское правительство, значит, обидно, что не участвуют в игре. В Сан-Ремо будто был представитель советской республики и совещался с главами правительств. Красин в Копенгагене заявил, что теперь нет в России ни хлеба, ни льна, ни другого сырья. Если б и было, то доставить нельзя из-за плохого транспорта. В Полтавской и Черниговской губерниях антибольшевистское восстание. В общем еще далеко до успокоения. Только что получил письмо от брата Алексея из Ревеля. Родным повеяло.

10 (23) ноября 1920 г. Вторник. Hollington. Англия.

Имя графа П.Н.Игнатъева.

День чудный, но морозный. Напоминает мне такую же погоду и такое же солнце 22 года тому назад. И всё это развеялось как дым. Грустно, тяжело жить теперь, но особенно этот вечер, когда как виденья приходят дорогие образы! И за что всё это? Как у них сегодня грустно, наверное, если они только живы. Вот эта мысль ужасна. Ведь даже предположив, что всевозможные комиссары оставили их в покое, ведь на что они живут, чем питаются. А если, Боже упаси, кто-нибудь из них серьезно заболеет –

*М. Ігнат'єв з братом П.Ігнат'євим (зліва)
і зятем П.Малевським-Малевичем. Лондон, серпень 1920 р.*

то никакой человеческой помощи. И в сотый раз задаешь себе вопрос: „Хорошо ли я сделал, что уехал?“. Может быть, меня оставили бы в покое, и я хоть своими руками был бы им полезен.

Тяжело жить, и что ужасно – надежда на лучшее будущее угасает с каждым днем, с каждым новым известием. Балаховича тоже начинают бить, и у него отняли Мозырь, а там скоро и польская граница. Я начинаю склоняться к мысли, что раньше надо подумать о населении и потом уж о политике. Ну, пусть себе большевики укрепляются. На то Божья воля. Но нельзя дать умереть населению от голода и холода. И так зима эта будет ужасная. Надо открыть доступ товарам, если это может хоть кого-нибудь спасти от смерти. Ведь и комиссары страдают от беспорядка в экономической жизни России. Может, новые „варяги“ заведут экономический порядок, а там, может, и образуется политический. Получил письмо от Пети Малевского – застрял в Белграде, но надеется добраться до Константинополя. Если пустили, то он уже там.

Сегодня работал один, в лесу. Хорошо там с природой. Никого нет, никто близко не проходит, и забываешь жизнь в усиленной работе, пока Бог не пошлет давно желанную последнюю остановку. То „тихое пристанище“, куда мы все пойдём и куда так тянет теперь. Хочется лишь раз еще взглянуть на своих. Ведь вот год я их не видел, и никто не поручится, что еще год или годы пройдут до долгожданной встречи.

***Публікація документа
Олександра СКРЯБИНА***